

Вильям Шекспир

Сонеты

*В переводе и с предисловием
Анатолия Либермана*

УДК 82/821.111
ББК 84-5
Ш 41

Шекспир В.

Сонеты / Пер. с англ. А. Либермана. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 336 с.

ISBN 978-5-94457-221-9

Настоящее издание включает перевод всех 154-х сонетов Шекспира. История сонетов, личность их адресатов (прекрасного юноши и смуглой дамы) и борьба с поэтами-конкурентами послужили предметом бесчисленных исследований. Но события, вызвавшие к жизни эти стихи, давно утратили свою остроту. Осталась великая поэзия, и всё новые переводчики пытаются воспроизвести ее на своем языке, столь непохожем на английский язык конца XVI — начала XVII в. Неоднократно переводились сонеты и на русский: по частям и целиком, хотя лишь у полного свода, начатого и законченного одним человеком, есть малая надежда приблизиться к гениальному подлиннику. Автор предлагаемых здесь переводов стремился воссоздать нежность, страсть и горечь, наполняющие сонеты, нигде не впадая в сентиментальный тон, губительный для этих стихов. Шероховатости, недомолвки, гиперболы, повторы и далеко не всегда безобидные словесные игры остались; они призваны воспроизвести творческую манеру Шекспира.

Главное в русской версии сонетов — уйти от привычной образности, примелькавшегося словаря и традиционных рифм Золотого века русской поэзии. Немногочисленные подстрочные примечания объясняют темные места. Свой взгляд на сонеты и возможности их передачи на русском языке переводчик изложил во вступительной статье.

УДК 82/821.111
ББК 84-5

*В оформлении переплета использована картина
Микеланджело Меризи да Караваджо
«Юноша с корзиной фруктов» (1593)*

ISBN 978-5-94457-221-9

© А. Либерман, 2015
© Языки славянской культуры, 2015

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Анатолий Либерман. Взгляд на сонеты Шекспира</i>	<i>7</i>
<i>Вильям Шекспир. Сонеты</i>	<i>27</i>
Об авторе переводов	334

I

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the ripper should by time decease,
His tender heir might bear his memory :
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content
And, tender churl, makest waste in niggarding.
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.

I

От красоты расцвета люди ждут:
У розы всё должно быть впереди.
Но годы зрелость к старости ведут —
Лишь от наследника спасенья жди.
Ты дивной красоты своей жених.
Свеча горит, но тает воск в бессилье.
Лучистые глаза — что проку в них?
Запомни: голод сменит изобилье.
Всем прелестям земли ты задал тон,
Весны роскошый вестник и гонец,
Но семя ты свое зарыл в бутон —
О, как ты расточителен, скупец!
Со смертью вместе, свой цветок пожрав,
Ты мир лишишь его законных прав.

II

When forty winters shall besiege thy brow
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery, so gazed on now,
Will be a tatter'd weed, of small worth held :
Then being ask'd where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say, within thine own deep-funklen eyes,
Were an all-eating shame and thriftless praise.
How much more praise deserved thy beauty's use,
If thou couldst answer ' This fair child of mine
Shall sum my count and make my old excuse,'
Proving his beauty by succession thine !
 This were to be new made when thou art old,
And see thy blood warm when thou feel'st it cold.

II

За сорок лет твой лоб затопчут годы;
Поникнув, сдастся красота твоя,
И яркий плащ, законодатель моды,
Окончит век средь старого тряпья.
И если скажешь: «Прежний блеск вельможный
И страсти клад, дарованный судьбой,
В потухшем взоре я храню надежно», —
То это будет жалкой похвальбой.
Поверь, ты б клад бесценный преумножил
И счета свел с природою честней,
Сказав: «Вот сын мой. В нем я снова ожил,
В нем продолженье юности моей», —
И видел бы, как расцветает в сыне
Все то, что так в самом прекрасно ныне.

III

Look in thy glaſs, and tell the face thou vieweſt
Now is the time that face ſhould form another ;
Whoſe freſh repair if now thou not reneweſt,
Thou doſt beguile the world, unleſs ſome mother.
For where is ſhe ſo fair whoſe unear'd womb
Diſdains the tillage of thy huſbandry ?
Or who is he ſo fond will be the tomb
Of his ſelf-love, to ſtop poſterity ?
Thou art thy mother's glaſs, and ſhe in thee
Calls back the lovely April of her prime ;
So thou through windows of thine age ſhalt ſee,
Deſpite of wrinkles, this thy golden time.
But if thou live, rememb'red not to be,
Die ſingle, and thine image dies with thee.

III

Вот зеркало. Ты видишь отраженье?
Пока одно, а быть должно вас двое.
Создай в расцветших красках повторенье,
Чтоб жили мы и женщины в покое.
Где та, которой не вспахал ты клин,
Не пожелавшая такого плуга?
Где тот, кто прожил, как глупец, один,
Влюблен в себя и не нашедший друга?
Ты отраженье матери своей,
В твоём лице её апреля нега;
Так ты в окне грядущих зимних дней
Весну увидишь, а не гору снега.
Но если сам ты сгинешь без следа,
То образ тот исчезнет навсегда.

IV

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank, she lends to those are free:
Then, Beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive:
Then how, when Nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
Thy unused beauty must be tomb'd with thee,
Which, used, lives th' executor to be.

IV

Красавец, не прижимист ты, но в толк
Я не возьму: где ж красоты наследство?
Свои дары дает природа в долг,
Вручая щедрым для отдачи средства.
Скупец прелестнейший! Вопрос мой прост:
Ты расточаешь на себя щедроты?
Какой ты ростовщик! Не виден рост;
Ответь: богатства тратишь на кого ты?
Любить себя — самообман, игра;
Ты вдохновенно лишь себя лелеешь.
Что скажешь ты, когда придет пора,
Какой отчет природе дать сумеешь?
 Прекрасное, не пущенное в дело,
 Как труп, как в гроб опущенное тело.

V

Those hours, that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell,
Will play the tyrants to the very fame
And that unfair which fairly doth excel ;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter, and confounds him there ;
Sap check'd with frost, and lusty leaves quite gone,
Beauty o'erfrown'd and bareness every where :
Then, were not summer's distillation left,
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it, nor no remembrance what it was :
 But flowers distill'd, though they with winter meet,
 Leese but their show ; their substance still lives
 sweet.

V

Во всех шедеврах дней ушедших труд;
Ликует взор, мила их красота нам,
Но дни спешат и красоту крадут,
Своим твореньям сделавшись тираном.
Безостановочное Время шлет
Мертвящие морозы вслед за летом;
Тепло — в темнице, всюду снег и лед,
И стынут соки в дереве раздетом.
Когда б не заключали мы цветы
Текучим пленником в стекло флакона,
О красках отошедшей красоты
Забыл бы мир в дремоте без урона.
 Но жив в духах разлитый дух цветов,
 И он сильнее зимних холодов.

VI

Then let not winter's ragged hand deface
In thee thy summer, ere thou be distill'd :
Make sweet some vial ; treasure thou some place
With beauty's treasure, ere it be self-kill'd.
That use is not forbidden usury,
Which happies those that pay the willing loan ;
That 's for thyself to breed another thee,
Or ten times happier, be it ten for one ;
Ten times thyself were happier than thou art,
If ten of thine ten times refigured thee ;
Then what could death do, if thou shouldst depart,
Leaving thee living in posterity ?
Be not self-will'd, for thou art much too fair
To be death's conquest and make worms thine heir.

VI

Найди ж скорей прелестный тот сосуд,
Где сохранить ты смог бы краски лета.
В нем соки молодости не замрут,
И злой зиме не сжить тепло со света.
Всё в рост пойдёт, но ты не ростовщик:
Приносят людям радость эти траты.
Да! Десять к одному: процент велик,
Зато умножишь в десять раз себя ты.
И стал бы ты счастливей в десять раз
И даже лучше: десять раз по десять.
Ушла бы смерть. Потомство! Мой рассказ
И мой совет не можешь ты не взвесить.
Прекрасно всё в тебе. Не будь упрямым:
Нельзя, чтоб весь достался ты червям.

VII

Lo, in the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under eye
Doth homage to his new-appearing sight,
Serving with looks his sacred majesty ;
And having climb'd the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage ;
But when from highmost pitch, with weary car,
Like feeble age, he reeleth from the day,
The eyes, 'fore duteous, now converted are
From his low tract, and look another way :
 So thou, thyself outgoing in thy noon,
 Unlook'd on die'st, unless thou get a fon.

VII

Взгляни! Когда благословенный глаз,
Слепя нас, поднимается с востока,
Коленопреклоненно каждый раз
Встречаем мы божественное око.
Все дальше по небесной крутизне;
Еще кипит в нем сила молодая,
И смертных взгляд прикован к вышине,
Смертельный путь в восторге наблюдая.
Но, позади оставив свой зенит,
С дневной тропы съезжает колесница.
Был этот путь недавно знаменит —
Жаль: в сумерки им глазу не плениться.
На полдне свет твой не сошелся клином,
Но должен заменить ты солнце сыном*.

* По-английски сын (son) и солнце (sun) — омофоны.

VIII

Mufic to hear, why hear'ft thou mufic fadly ?
Sweets with fweets war not, joy delights in joy :
Why loveft thou that which thou receiveft not gladly,
Or elfe receiveft with pleafure thine annoy ?
If the true concord of well-tuned founds,
By unions married, do offend thine ear,
They do but sweetly chide thee, who confounds
In finglenefs the parts that thou fhouldft bear.
Mark how one ftring, fweet husband to another,
Strikes each in each by mutual ordering ;
Refembling fire and child and happy mother,
Who, all in one, one pleafing note do fmg :
 Whofe fpeechlefs fong, being many, feeming one,
 Sings this to thee : 'Thou fingle wilt prove none.'

VIII

От музыки ты делаешься строже.
Свет ищет свет, мед тяготеет к меду;
Ты музыка сама. Так отчего же
Тебе аккордов сладость не в утуду?
Гармония, но слышать ты не рад,
Как стали в строй разрозненные ноты.
Возможно ли, что нежный звукоряд
В твоей душе мог заронить заботы?
Струна к струне — как в браке их союз:
Одна другой надежная опора;
Муж, дети, мать, и нет прочнее уз,
И нет на свете слаженнее хора.
Как слитен хор! Прислушайся, молю:
«Один без пары равен ты нулю».

IX

Is it for fear to wet a widow's eye
That thou consumeſt thyſelf in ſingle life ?
Ah ! if thou iſſueleſt ſhalt hap to die,
The world will wail thee, like a makeleſs wife ;
The world will be thy widow, and ſtill weep
That thou no form of thee haſt left behind,
When every private widow well may keep
By children's eyes her huſband's ſhape in mind.
Look, what an unthrift in the world doth ſpend
Shifts but his place, for ſtill the world enjoys it ;
But beauty's waſte hath in the world an end,
And, kept unuſed, the uſer ſo deſtroys it.
No love toward others in that boſom fits
That on himſelf ſuch murderous ſhame commits.